

АПТЕКАРША-ПОПАДАНКА. ХОЗЯЙКА ПРОКЛЯТОЙ ТАВЕРНЫ

ДИАНА ФУРСОВА

Диана Фурсова

**Аптекарьша-попаданка.
Хозяйка проклятой таверны**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Аптекарьша-попаданка. Хозяйка проклятой таверны /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Я очнулась в чужом теле — и сразу получила “подарок”: долги, дурную славу и таверну, в которую никто не заходит... потому что отсюда люди исчезают. Очаг в этом доме живой. Он слушает клятвы, любит страх и умеет закрывать двери изнутри. А ещё у него есть правило: гостя ночью не выгонять, огонь не прятать и именем не лгать. Я — аптекарьша. Значит, буду лечить. Людей — от ран и лихорадки. Дом — от голода по тайнам. Вот только капитан дозора Рейнар Кард уверен: если на тракте снова пропадёт человек, виновата буду я... и он сам сожжёт “Чёрный Очаг” до камня. Но кто-то из влиятельных слишком заинтересован, чтобы проклятие не исчезло. Мне предлагают уехать — и остаться живой. Остаться — значит раскопать правду о прежней хозяйке, снять печати слой за слоем и понять, почему очаг помнит чужие имена. И почему за спасение всегда просят плату. Иногда — то, что любишь.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Таверна, которой лучше не касаться	5
Глава 2. Долги, слухи и первая попытка выжить	12
Глава 3. Постоялец, которого нельзя будить	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1. Таверна, которой лучше не касаться

Запах спирта и аптечной ромашки ещё держался на кончиках пальцев, будто Марина только что сняла перчатки после смены. В ушах звенели приглушённые голоса — «капли в холодильник...», «проверьте срок...», «вызовите “скорую”...» — а потом всё оборвалось, как если бы кто-то резко закрыл стеклянную дверь торгового зала.

Тишина стала тяжёлой.

Марина попыталась вдохнуть и поперхнулась ледяным воздухом, от которого свело горло. Под щекой оказалась шершавая доска, пахнущая старым пивом, дымом и... плесенью. Не стерильный, не привычный мир аптеки — здесь всё было грубое, деревянное, скрипучее. И темно.

Она распахнула глаза.

Над ней нависал потолок с чёрными балками; между балок — паутина, а в ней дрожали серебристые нитки, как струны. В углу мерцала слабо-жёлтая свеча, поставленная в ржавую кружку. Слева, у стены, темнела печь — огромная, каменная, с раскрытым зевом, будто ждала дрова... или кого-то ещё.

Марина резко села — и мир качнулся. В голове ударило тупым, чужим. На миг ей показалось, что она видит себя со стороны: не в белом халате, не с собранными волосами, не с усталой улыбкой «да, я помогу», — а в простом грубом платье, на груди которого тёмными пятнами расплзалась засохшая кровь.

«Кровь?»

Она подняла руки.

Руки были не её.

Пальцы — тоньше, кожа — чуть темнее, на запястье — старый ожог в виде полумесяца. Ногти обломаны, под ними — грязь. У Марины всегда были аккуратные ногти, хоть какая ни была смена, хоть сколько ни ругался заведующий на «не по инструкции» — она держала порядок, потому что иначе нельзя.

Сейчас порядок исчез. Остался холод, доски, чужое тело... и комок паники, который поднялся к горлу, как таблетка, застрявшая в пищеводе.

— Нет... — вырвалось у неё, и собственный голос прозвучал иначе: ниже, хриплее, словно давно не пил воды.

Она метнулась к ближайшему отражению — не зеркалу, а мутному стеклу окна. Подползла, цепляясь ладонями за пол, и уткнулась в тёмный квадрат.

Стекло показало бледное лицо с синяками под глазами, растрёпанные тёмные волосы и губы, потрескавшиеся от ветра. Щёки — впалые, но упрямый подбородок выдавал характер. И взгляд... взгляд был её. Тот самый — цепкий, не сдающийся, который годами держал её на ногах между ночными сменами и бесконечными «а можно без рецепта».

Марина прижала ладони к вискам. В памяти вспыхнуло: яркий свет, сирена, резкий удар... и ощущение падения, будто пол ушёл из-под ног.

А потом — пустота.

И в пустоте чужие обрывки: *имя*— Элина. *слово*— «долги». *шёпот*— «ведьма». *место*— таверна на тракте.

Она зажмурилась, пытаясь собрать всё в одно, как собирают рассыпавшиеся таблетки в аптечном ящике: по цвету, по форме, по названию.

Если это сон — он слишком холодный.

Если это бред — он слишком логичный.

Если это... смерть — почему тогда пахнет плесенью и дымом, почему под пальцами занозы, почему сердце бьётся так громко?

Марина заставила себя встать. Колени дрожали, но держали. Она шагнула — и пол под ногами скрипнул так, будто недоволен её присутствием. В тишине это прозвучало почти как ответ.

В зале стояли столы, перевёрнутые вверх ножками, как мёртвые жуки. На стойке — пустые бутылки, в углу — бочка с треснувшим обручем. У стены — лестница наверх, туда, где, судя по запаху, был второй этаж с комнатами.

Она огляделась, и по спине прошёл холодок — не от температуры, а от ощущения, что в темноте кто-то *есть*.

Не человек. Не зверь.

Просто... присутствие. Смотрит и молчит.

Марина сглотнула и пошла к стойке. Там лежал лист бумаги, придавленный камнем. Письмо было написано аккуратным почерком — слишком аккуратным для этого места. Чернила местами расплылись, но слова читались.

«...по воле покойного Хагена Ротта, владельца постоянного двора на тракте Трёх Миль, имущество и права переходят к Элине Ротт...»

Марина перечитала. Ещё раз.

Постоялый двор. Таверна. Наследство.

Дальше шёл длинный перечень: «печь каменная... мебель... два стойла...» — а потом короткая строчка, от которой у неё неприятно сжалось внутри:

«...при наличии долговых обязательств, указанных в приложении.»

Приложение лежало рядом — толстая пачка расписок с печатями. Даты. Суммы. Подписи.

И везде — имя Элины.

Марина — теперь Элина — провела пальцем по цифрам. Даже без привычки к местным монетам было ясно: это не «переживём до зарплаты». Это «похоронят под долгами».

Внизу последней расписки красовалась жирная печать с символом, похожим на перекрещенные ключи.

Ключи.

Она машинально посмотрела на дверь.

И увидела: на засове висел ключ — большой, железный, старый. Такой ключ не потеряешь... если только не захочет сам потеряться.

В горле пересохло. Элина — Марина — шагнула к двери, проверяя, открыта ли она.

Дёрнула ручку.

Дверь подалась легко, пропуская внутрь полоску серого дневного света. Снаружи потянуло сыростью, мокрой землёй и холодным ветром, который пахнул лесом и дымом костров.

Она вышла на крыльцо — и замерла.

Перед ней тянулся тракт: утоптанная грязь с колеями, по краям — пожухлая трава. Далеко, где-то за холмом, виднелась линия леса. Слева — пара покосившихся домов, словно маленькая деревушка при дороге. Справа — стойла и сарай, в которых было так же тихо, как и в таверне.

А на вывеске над входом, покачиваясь на ветру, висела доска с выжженным названием:

«У Чёрного Очага».

Название показалось ей издёвкой.

Очаг — символ дома, тепла, жизни.

А здесь было холодно так, будто кто-то вырвал из очага сердце.

— Очнулась, значит, — раздался голос сбоку.

Марина обернулась.

У забора стояла женщина в сером платке и грубой накидке. Лицо — красное от ветра, глаза — щёлочки, в которых читалось не сочувствие, а осторожность. В руках она держала ведро.

— Ты... — начала Марина и запнулась, понимая, что не знает, кто это.

Женщина прищурилась ещё сильнее.

— Ага. Не помнишь? Или опять притворяешься? — Она плюнула в сторону. — Элина ты. Хозяйка. Только хозяйка такая, что лучше бы и не была.

Слова ударили больно. Марина почувствовала, как чужая память подсовывает ей обрывок: этот голос — Грета. Соседка. Та, что носила воду... и сплетни.

— Я... — Марина сглотнула. — Мне плохо было. Упала.

— Упала... — Грета хмыкнула. — Это ты умеешь. И мужиков с собой ронять, чтоб потом не поднялись.

Марина застыла.

— Что?

Грета подняла ведро повыше, будто ставила между ними границу.

— Не делай вид, что не знаешь. Люди у тебя пропадали. В твоей таверне. Кто ночевал — тот потом либо в лесу находился, либо не находился вовсе. И всегда — следы, как от копоты на горле. А ты ходишь живая. С долгами. И с этим... — она кивнула в сторону вывески, — проклятым очагом.

Марина почувствовала, как по позвоночнику пробежал мурашками страх, но вместе с ним — профессиональная, сухая злость. Она привыкла, что её обвиняют: «вы мне не дали антибиотик — значит, вы плохая», «вы не продали без рецепта — значит, вы вредная». Это было несправедливо, но привычно.

А здесь её обвиняли... в исчезновениях.

В убийствах?

— Я никого не... — Марина осеклась. Слова «не убивала» звучали так, будто она оправдывается заранее. — Я ничего не помню.

— О, как удобно, — Грета качнула головой. — Только долги помнишь? К тебе сегодня придут. С печатью. — Она наклонилась ближе, и голос стал тише. — Если бы я была умнее, я бы и сама к тебе не подходила. Но... — она пожала плечами, — у меня совесть. Неправильная, видать. Ведро вот. Воду оставляю у крыльца. Дальше — сама.

— Подождите! — Марина сделала шаг. — Кто придёт?

Грета посмотрела на неё так, словно на дурочку.

— Сборщик. И капитан дозора. Тракт-то важный. А проклятия на важных местах не любят.

Она развернулась и ушла, оставив ведро на земле. Марина стояла и смотрела ей вслед, ощущая, как ветер пробирается под платье, и как внутри поднимается пустое, беззвучное отчаяние.

Капитан дозора. Сборщик. Долги. Проклятие.

И она — одна.

Марина заставила себя поднять ведро и занести в таверну. На кухне — если это можно было назвать кухней — стояли пустые полки, ржавые ножи, мешок муки с прорванным боком. Она нашла котелок, налила воды, попыталась развести огонь в печи.

Дрова были влажные. Она выложила их по инструкции из старой жизни — щепки, бумага, воздух. Нашла кремень, высекла искру.

Искра вспыхнула, но огонь не пошёл.

Она снова. И снова.

Пламя появлялось на секунду — и тут же гасло, будто кто-то выдыхал на него ледяной воздух.

Марина отступила, сердито вытирая ладони о юбку.

— Да что с тобой не так...

В ответ печь будто вздохнула. Тихо. Еле слышно. Но в этом вздохе было что-то... живое.

Марина замерла.

Из кладовой, куда вёл узкий проход за кухней, донёсся шёпот. Не слова — шуршание, как если бы кто-то листал бумаги.

Она шагнула туда, стараясь дышать ровно. В кладовой было темнее, чем в зале. Пахло старым зерном и мышами.

И ещё — чем-то аптечным.

Горький, резкий запах сушёной полыни, смешанный с медью.

Марина нашла на полке мешочек с травами. Пощупала: сухие стебли, листья. Неплохо. Если тут есть травы, значит, можно хотя бы сделать чай.

Она достала деревянную миску, положила туда щепотку травы, залила кипятком из котелка, который всё-таки удалось нагреть на маленькой переносной жаровне. Вода едва закипела, но это уже было хоть что-то.

Марина понюхала — ромашка? Нет, что-то похожее, но более терпкое. Местный аналог. Она сделала глоток.

Тепло разлилось по желудку... и тут же исчезло.

Чашка в её руках стала холодной, как будто в неё налили снег.

Марина вытаращилась. Провела пальцем по поверхности — на ней образовалась тонкая корочка льда.

— Не может быть...

Она поставила чашку на стол. Взгляд упал на кусок хлеба, лежавший рядом. Она взяла его — и ощутила, как он мягкий, влажный.

На корке проступили зелёные пятна плесени.

Плесень — за минуту.

Марина резко отдернула руку, будто хлеб был ядовитым. Сердце стучало, а мозг, как всегда, пытался найти рациональное: температура, влажность, споры, неправильное хранение...

Но плесень за минуту не появляется.

И лёд на горячей воде — тоже.

Шёпот из кладовой повторился. Теперь он был ближе. Будто кто-то стоял прямо за дверью и дышал на щель.

Марина сглотнула. Сделала шаг назад.

И тут в таверне раздался стук. Громкий, властный — такой, которым стучат не гости, а те, кто привык, что им открывают.

Марина вздрогнула, бросилась в зал и увидела в окно: у крыльца стояли двое мужчин. Один — в кожаной куртке и с мешком бумаг, другой — в тёмном плаще с эмблемой на груди. На поясе второго висел меч, а на плечах — следы дождя, будто он шёл сюда через непогоду.

И этот второй смотрел прямо на дверь, как на врага.

Марина выдохнула и открыла.

— Элина Ротт? — спросил тот, что с бумагами, и не дождавшись ответа, сунул ей под нос лист. — По долговой печати гильдии. Срок истёк. Платёж сегодня.

Марина машинально взяла лист, прочитала цифры — и едва не качнулась.

— Я... у меня сейчас нет...

— Всегда нет, — фыркнул сборщик. — Но таверна есть. Земля есть. Стойла есть. Печь есть. Всё это можно забрать.

Второй мужчина молчал. Но его молчание давило сильнее слов. Он сделал шаг вперёд, и Марина увидела его лицо.

Резкие скулы. Серые глаза, холодные как сталь. Шрам у виска. Волосы тёмные, мокрые от дождя, собраны назад. Он выглядел как человек, который не верит ни в оправдания, ни в случайности.

И в то же время... как человек, которого однажды предали.

— Капитан дорожного дозора Рейнар Кард, — представился он сухо. — Мне сообщили, что хозяйка проклятого постоянного двора снова в сознании.

Марина почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Я не...

Рейнар поднял руку, прерывая.

— Я не интересуюсь вашими «не». — Он окинул взглядом зал, перевёрнутые столы, грязь, печь. — Меня интересует: почему на моём тракте люди исчезают, а у вас, Элина Ротт, на руках долги и... — он чуть наклонился, словно принохиваясь, — запах трав, которые в городе продают только по разрешению.

Сборщик довольно хмыкнул:

— А я говорил! Ведьма.

Марина вспыхнула — не от стыда, от ярости.

— Я аптекарь, — вырвалось у неё. — То есть... — она запнулась, понимая, что слово может быть незнакомым. — Я умею лечить. Травами, настойками. Не колдую. И... я не знаю, почему люди пропадают.

Рейнар смотрел на неё долго. В его взгляде не было привычной мужской наглости, к которой Марина привыкла в своей жизни — «улыбнись» или «будь поласковее». Там было другое: проверка. Оценка угрозы.

— Лечить, значит? — тихо повторил он.

И словно в подтверждение его слова один из дозорных — третий, которого Марина не заметила, — споткнулся на пороге и резко выругался. Он держался за руку: из ладони сочилась кровь — порезался о ржавый крюк у двери.

— Чёрт... — прошипел он. — Зараза!

Марина, не думая, шагнула к нему.

— Дай сюда.

— Не трогай его! — рявкнул сборщик. — Ещё проклянешь.

Рейнар не вмешался. Только наблюдал.

Марина взяла руку дозорного осторожно, оценивая рану. Порез глубокий, но не критичный. Грязь. Ржавчина. Риск инфекции.

— Нужно промыть, — сказала она, уже двигаясь к кухне. — Вода есть.

— Ты что творишь? — буркнул дозорный, но пошёл за ней, потому что кровь капала на пол.

Марина нашла ведро, вылила часть воды в миску, добавила щепоть соли — хоть какая-то дезинфекция. Нашла тряпку, кипятком обдала её, насколько могла.

Руки работали сами — те же движения, что и в аптеке, только инструментов меньше, а страх рядом больше.

— Терпи, — сказала она.

— Я не девчонка, — огрызнулся дозорный, но когда Марина промыла рану, он всё равно зашипел от боли.

Марина нашла в кладовой настойку — в бутылке было что-то прозрачное с резким запахом. Алкоголь? Скорее всего. Она плеснула чуть-чуть на край раны.

Дозорный выругался так, что у Марины уши заложило.

— Если будет краснеть и опухать — завтра ко мне, — сказала Марина автоматически. — И перевязку менять.

— К тебе? — Сборщик заглянул в кухню и скривился. — Да к тебе никто и не ходит.

Марина выпрямилась. Встретилась взглядом с Рейнаром.

Он смотрел уже иначе. Не мягче — нет. Но внимательнее. Как человек, который увидел действие, а не слова.

— Завтра ко мне не приходите, — сказала Марина, сама не ожидая от себя такой твёрдости. — Приходите сейчас. Я... я расплачусь не сразу. Но я могу открыть таверну. Я могу готовить. Лечить. Привлечь людей. Я... — она запнулась, потому что понимала, как жалко это звучит, — я могу сделать так, чтобы здесь снова ночевали.

Сборщик расхохотался:

— Здесь? Ночевали? В проклятом очаге? Да ты сама-то слышишь себя?

Рейнар не смеялся. Он сделал шаг ближе к Марине — слишком близко. Она ощутила тепло его тела, запах мокрой кожи и металла. Он был огромен рядом с ней, и это почему-то одновременно пугало и... успокаивало, как стена в бурю.

— Вы хотите, чтобы люди здесь ночевали? — спросил он тихо.

Марина кивнула, не отводя взгляда.

— Тогда вы либо очень смелая, Элина Ротт... — Рейнар наклонился ещё ближе, и его голос стал почти шёпотом, — либо очень глупая. Или... — пауза, — вам есть что доказывать.

Марина почувствовала, как щеки вспыхнули. Не от флирта — от злости на то, что её снова оценивают.

— Мне есть что выживать, капитан, — сказала она так же тихо. — И мне нужна эта таверна.

Рейнар выпрямился.

— Сегодня я вас не арестую, — произнёс он холодно, будто делал одолжение. — Но я вернусь. И если на моём тракте пропадёт ещё один человек... — он посмотрел на печь, и в этом взгляде мелькнуло что-то тёмное, — я сожгу этот дом до камня. Вместе с тем, кто его держит.

Сборщик раздражённо щёлкнул языком:

— Ну так что, платёж?

Марина стиснула пальцы.

— Дайте мне неделю.

— Неделю? — сборщик поднял брови. — Ха! У тебя нет недели, девка.

Рейнар повернулся к нему.

— Неделя, — сказал он таким тоном, что даже сборщик сглотнул.

Тот буркнул:

— Ладно. Неделя. Но я приду через три дня с напоминанием. И... — он ткнул пальцем в Марину, — не вздумай сбежать.

Когда они ушли, таверна будто снова выдохнула. Тишина вернулась, но теперь она не была пустой — в ней жили угрозы, долги и чужие серые глаза.

Марина закрыла дверь и опёрлась на неё спиной.

«Неделя», — повторила она про себя, как рецепт: семь дней, чтобы сделать невозможное.

Она заставила себя действовать. Перевернула столы. Протёрла стойку. Нашла тряпки. Сдвинула мусор в угол. Вытрясла из мешка муку, выбросила плесневелое.

Каждое маленькое движение было победой. Крошечной, но настоящей.

И всё же печь оставалась холодной. Вода в миске покрывалась льдом быстрее, чем она успевала её использовать. И из кладовой время от времени доносился шорох, будто кто-то шаркал босыми ногами по зерну.

К вечеру Марина была мокрая от пота, усталая и злая. Но зал стал чуть чище. Столы стояли на месте. На стойке лежала чистая тряпка. Это было смешно — радоваться чистой тряпке, когда вокруг проклятие и долги.

Но Марина радовалась.

— Ладно, — сказала она вслух, обращаясь не то к себе, не то к дому. — Мы справимся.

В ответ где-то в глубине таверны скрипнула доска.

Марина замерла.

Свет за окном погас быстрее, чем должен был — будто вечер упал на тракт тяжёлой мокрой шкурой. Ветер усилился. Таверна застонала старыми стенами.

Марина зажгла свечу и поставила её на стол рядом с собой. Нашла ключ, проверила засов на двери.

— Никто не войдёт, — пробормотала она. — Никто.

Шёпот из кладовой стал явственнее. Теперь в нём слышалось что-то похожее на слово. На имя.

«Хо-зй-ка...»

Марина сглотнула и встала, держа свечу перед собой.

— Кто здесь?

Ответа не было. Только сквозняк прошёл по залу — и свеча дрогнула.

Марина сделала шаг к кладовой... и в этот момент дверь за её спиной хлопнула.

Не от ветра. Слишком резко. Слишком точно.

Марина обернулась — и увидела, как засов сам собой пополз в сторону. Железо скрежетнуло, будто когти по стеклу. Ключ в замке повернулся без руки.

Дверь закрылась.

Снаружи раздался глухой удар — будто кто-то прижал её всей массой.

Марина бросилась к двери, дёрнула ручку.

Не поддалась.

Она ударила плечом — бесполезно. Дверь держала так, будто её заковали.

Марина схватила ключ — и тут же ощутила, как он холодный до боли. Пальцы обожгло морозом. Она попыталась повернуть — ключ не двигался. Как будто замок стал единым с деревом.

Позади неё в зале раздался тихий, довольный скрип — как если бы дом улыбнулся.

И шёпот, уже совсем близкий, выдохнул ей в ухо:

— *Хозяйка вернулась...*

Марина медленно повернулась.

Свеча в её руке вспыхнула голубым — чужим, мёртвым огнём.

А из темноты, между столами, будто отделилось движение.

Не человек. Не тень.

Дом.

И он закрыл её внутри.

Глава 2. Долги, слухи и первая попытка выжить

Дом запер её внутри — и в ту же секунду тишина стала вязкой, как сироп, в котором тонет крик.

Элина вцепилась в ключ, будто железо могло передать ей хоть каплю уверенности. Пальцы ломило от холода — не просто мороз, а *чужой*, намеренный. Ключ обжигал так, словно был вынут из снега, пролежавшего века.

— Хорошо, — прошептала она, заставляя себя дышать ровнее. — Хорошо. Ты хочешь поговорить.

Глупо. Нелепо. Но в аптеке она научилась разговаривать и с теми, кто в панике, и с теми, кто в бреду, и с теми, кто «ничего не боится», пока не подскочит давление. И сейчас, когда стены слушали, а тьма двигалась, она вдруг поймала себя на том, что ищет *правило*, как ищут инструкцию к препарату: противопоказания, дозировка, побочные эффекты.

Свеча в её руке горела голубым, как спиртовка — красиво и неправильно. Этот огонь не давал тепла, только светил и подчеркивал, как в зале пусто... и как всё равно *кто-то* рядом.

Между столами шевельнулась тень. Не шаг. Не силуэт. Скорее — складка воздуха, как когда жар поднимается над асфальтом. Только здесь было не жарко, а ледяно.

— Хозяйка, — выдохнул шёпот. Слово рассыпалось по балкам, по паутине, по щелям.

Элина проглотила страх. Если отступит — дом съест её живьём, сначала нервы, потом волю, потом тело.

Она подняла подбородок и сказала вслух, отчётливо, как диктуют пациенту:

— Я здесь. Я хозяйка. И я не уйду.

В ответ залагали доски. Где-то в глубине таверны раздался тихий скрип, похожий на довольный смешок.

Огонь на свече дрогнул и вытянулся вверх — словно кто-то поднёс к нему невидимую ладонь.

— Не... уйдёшь... — прошелестело. — Обет...

Слово «обет» ударило неожиданно. Она и раньше видела это в бумагах — мельком, на полях, там, где чернила расплылись. Тогда показалось пустым формальным выражением. Сейчас дом произнёс его так, будто это был замок на горле.

— Какой обет? — выдавила она.

Шёпот, вместо ответа, усилился. Он стал похож на листание страниц, на шелест мешочков с травами, на звук, который делают сухие листья в руках фармацевта. И этот звук потянул её — не телом, а вниманием — к стойке.

Там, где днём лежали бумаги, теперь лежала одна раскрытая книга. Элина не помнила, чтобы оставляла её открытой. Не помнила даже, чтобы *находила* книгу — а она была: толстая, в потёртой коже, с перекошенным ремешком.

Она сделала шаг, осторожно, не сводя глаз с темноты между столами.

Ещё шаг.

Дом молчал.

Лишь свеча продолжала гореть чужим цветом и освещала страницу, на которой крупным, почти детским почерком было выведено:

«ОБЕТ ОЧАГА. Не выгоняй гостя в ночи. Не закрывай огня от того, кто пришёл с дороги. Не солги, назвавшись не своим именем.»

Элина похолодела ещё сильнее, хотя казалось, куда уж. Последняя строка будто расколола её на две части.

«Не солги, назвавшись не своим именем».

Она — Марина. Но тело — Элина. Имя на бумагах — Элина. Слухи — об Элине. Долги — Элины. Дом зовёт — хозяйку... Элину?

Она сжала край страницы. Пальцы дрогнули.

— Я не... — она запнулась. — Я Элина Ротт.

Слова прозвучали тяжело, как признание, которое она давала не людям — стенам.

Голубой огонь на свече стал чуть мягче. В нём появилась едва заметная желтизна, как если бы дом *принял*.

Шёпот снова прошёлся по балкам.

— Тогда... держи... — и будто в ответ что-то стукнуло в кладовой. Не страшно, не угрожающе — как если бы с полки упал мешочек.

Элина не хотела туда идти. Но выбор был прост: либо она найдёт правило, либо правило найдёт её.

Она вошла в кладовую, подняв свечу. Тьма там была гуще, холод цеплял за щиколотки, как вода. На полу действительно лежал мешочек с травой — завязанный красной ниткой.

Красная нитка. Та самая, которой в земной жизни бабушки «от сглаза» перевязывали запястья, а Марина улыбалась и думала: «Главное, чтобы давление не прыгало». Сейчас улыбаться не хотелось.

Она подняла мешочек. Запах ударил в нос: полынь, зверобой, что-то смолистое, и ещё — едва уловимый металлический привкус, будто рядом стояла ржавчина.

Элина не знала местных ритуалов. Но она знала: полынь — горечь, зверобой — «от дурного», смола — чтобы закрепить.

— Ладно... — прошептала она. — Ладно. Ты хочешь, чтобы я... что? Успокоила тебя?

В кладовой что-то прошелестело, словно согласие.

Элина вернулась в зал, поставила свечу на стол и, стараясь не думать о том, что за её спиной может стоять невидимое, быстро начала действовать. Пальцы сами вспоминали порядок действий — не магический, а бытовой: сначала подготовка, потом обработка, потом контроль.

Она нашла старую железную миску, высыпала туда щепоть травы, чиркнула кремнём. Свеча вспыхнула обычным огнём — желтым. На секунду. Потом снова полезла синевой, но уже не такой мёртвой.

Трава задымила. Запах стал густым, горьким, но в нём была странная ясность — как в аптеке, когда открываешь шкаф с сухими сборами.

Элина прошлась с дымящей миской по залу, вдоль стен, у печи, у дверей. Не потому, что верила, а потому, что нуждалась в действии — любое действие лучше ожидания.

— Я не знаю, что ты такое, — сказала она, глядя в темноту. — Но я буду здесь жить. И работать. И если ты хочешь тепла — придётся его заслужить.

Слова были дерзкими. Она сама это понимала. Дом снова скрипнул — но теперь скрип был... не злой. Скорее, заинтересованный.

Элина подошла к двери и снова взялась за ключ. Он был всё ещё холодным, но уже не обжигал. Замок сопротивлялся, как закисшая крышка. Она зажмурилась и... повернула.

Скрежет — длинный, мучительный — и засов дрогнул.

— Давай, — выдохнула она, вкладывая в движение всю злость и всю усталость.

Засов пополз.

Дверь не распахнулась сама, но теперь ручка поддалась. Элина приоткрыла — в щель ворвался ночной воздух, мокрый, живой, с запахом леса.

Снаружи было темно, и тракта не было видно, только силуэты деревьев и редкие огоньки в деревушке.

Элина закрыла дверь обратно — осторожно — и *сама* поставила засов. Ключ вынула и спрятала в карман платья.

— Я буду закрывать, когда надо, — сказала она дому, как непослушному пациенту. — Но ты больше не запираешь меня без предупреждения.

Шёпот не ответил. Но печь... печь тихо щёлкнула камнем, словно зевнула.

Это было ничто. И всё.

Элина опустилась на лавку и впервые за этот день позволила себе выдохнуть по-настоящему.

Ночь она всё равно не спала. Даже когда дом затих, когда свеча стала гореть нормально, даже когда из кладовой перестало шелестеть — Элина лежала на втором этаже, на жесткой кровати, и слушала каждый скрип, каждый стон старых досок.

Ей казалось, что стоит закрыть глаза — и она проснётся уже не хозяйкой, а чем-то, что дом оставит от неё.

Под утро, когда за окном серело, она спустилась вниз с ощущением, будто прожила неделю. В зале было тихо. Чистая тряпка, оставленная на стойке, лежала там же. Ничего не перевернуто. Никаких следов борьбы. Только в воздухе держался тонкий горький запах трав, и под печью лежала свежая кучка пепла — словно кто-то вымел её ночью, пока Элина не видела.

Она подошла ближе.

Пепел был тёплым.

Элина осторожно поднесла ладони к камню печи. Камень не грел, но уже и не морозил. Как будто дом сделал шаг навстречу — маленький, едва заметный.

Награда.

И тут же цена: в голове всплыло слово из книги — *обет*. И строка про имя.

Ей нужно было разобраться, иначе дом будет «воспитывать» её дальше.

Она села за стойку, разложила бумаги и начала читать по-настоящему — не глазами в панике, а как бухгалтерию в конце месяца: спокойно, последовательно, с отметками.

Первый пакет — долговые расписки. Не только гильдия с перекрещенными ключами. Было ещё:

— Частный займ... — она пробормотала, водя пальцем по строке. — «Ростовщик Мортен Грейн». Сумма... проценты...

Проценты были такими, что у неё свело зубы. В земной жизни она видела микрозаймы, но здесь это было не «микро». Это было «на петлю».

Второй пакет — штрафы. Печать городского управления: «за нарушение трактового порядка», «за торговлю без разрешения», «за неуплату пошлины». Мелочь по отдельности, но вместе — камень на шее.

Третий пакет — странный. Тонкая бумага, без печати гильдии, зато с жирным оттиском — круг и внутри что-то похожее на очаг.

Там было не «должна» и не «штраф». Там было:

«Обет хозяйки. Принят. Свидетель: Очаг. Цена: кровью не платить. Цена: гостя не выгнать. Цена: имя не скрыть.»

Элина перечитала трижды. Слова не становились понятнее.

— «Кровью не платить»... — прошептала она.

Это могло быть буквально. А могло быть метафорой. Но Грета говорила о людях с копытю на горле... значит, очаг, дым, пепел — всё это связано.

Её затошнило. Она заставила себя снова дышать.

В аптеке она говорила пациентам: «Пока вы в сознании — вы уже справляетесь». Сейчас она повторила это себе, как заклинание.

Она достала чистый лист — нашла его с трудом в ящике — и начала составлять список, как план лечения.

1. Долги: гильдия (ключи). Ростовщик Мортен Грейн. Штрафы города.

2. *Проклятие/обет: Очаг, гость, имя, не выгонять ночью.*

3. *Репутация: слухи, пропажи, страх.*

4. *План выживания: открыть таверну. Войти в доверие. Получить деньги.*

Когда она написала «план выживания», у неё впервые за всё время внутри стало чуть тише. Как будто мозг снова включил привычный режим: не «почему это со мной», а «что делать дальше».

Снаружи, однако, дела ждали.

Элина вышла на крыльцо. Утренний воздух был колким, влажным, пах землёй. В деревушке шевелились люди: кто-то гнал коз, кто-то нёс корзину, кто-то оглядывался на таверну так, будто она могла укусить.

Она сделала шаг по дороге — и почувствовала на себе взгляды. Колючие. Настороженные. Шёпотные.

— Это она, — донеслось откуда-то. — Очнулась, говорят...

— Да не она, — ответили. — Та бы уже в грязи валялась. Эта прямо ходит.

— Снова беду принесёт.

Элина сжала зубы и пошла дальше, к ближайшему дому, где висела связка луковиц у двери. Торговка. Еда. Свежие продукты — если они вообще здесь бывают свежими, когда очаг «портит» всё рядом.

Женщина за прилавком — широкоплечая, с тяжёлыми руками — заметила её и тут же поджала губы.

— У нас не берут в долг, — сказала она, даже не дав Элине открыть рот.

— Я не прошу в долг, — спокойно ответила Элина. — Я хочу купить... и мне нужно знать, что у вас есть.

Торговка фыркнула.

— Ага. купишь. За что?

Элина могла бы сказать правду: «за ничто». Но в аптеке она знала — иногда спасает не правда, а правильная формулировка.

— Я работаю, — сказала она. — Открываю таверну. И я умею лечить.

— Лечить? — торговка прищурилась. — От проклятия лечишь?

В голосе было столько язвы, что Элина почувствовала, как злость поднимается, как горький отвар.

— От порезов, от жара, от кашля, — ровно сказала она. — От болей. И от глупости тоже, если не запущено.

Торговка открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент из дома выскочил мальчишка — лет семи, тощий, в короткой рубаше. Он бежал, споткнулся и упал прямо на камни. Раздался вскрик.

— Мать! — заорал он, и тут же заплакал так, будто мир рухнул.

Торговка метнулась к нему.

Элина — быстрее. Рефлекс.

Она опустила на колени, осторожно перевернула мальчишку на спину. Колено было разодрано, кровь текла по голени. Каменная крошка в ране. Опасность — воспаление, грязь.

— Не трогай! — торговка вцепилась ей в плечо. — Не надо! Не... унесёт!

Элина подняла на неё взгляд — усталый, твёрдый.

— Если не промыть — загноится. Тогда унесёт не проклятие, а глупость.

Торговка замерла. В глазах мелькнула паника настоящая — материнская, не суеверная.

— Воды... — выдавила она.

— Чистой, — отрезала Элина. — И тряпку. И соль.

Торговка метнулась обратно в дом. Элина прижала ладонь к колену мальчика, удерживая его, чтобы он не дёргался. Тот всхлипывал и пытался вырваться.

— Больно! — визжал он.

— Будет больнее, если не сделать сейчас, — спокойно сказала Элина, хотя внутри всё дрожало. — Смотри на меня. Дыши. Как паровоз... — она запнулась, поняв, что слова чужие. — Как кузнечные мехи. Вдох — выдох.

Мальчик всхлипнул, но послушался.

Торговка вернулась с миской воды и тряпкой. Руки у неё дрожали.

Элина быстро промыла рану, вычистила каменную крошку, присыпала солью. Мальчик взвыл — и тут же замолчал, когда Элина строго сказала:

— Терпи. Ты же мужик, да? Тогда терпи.

Она сама удивилась, как ловко влезла в местный язык. В аптеке она говорила иначе. Здесь — иначе. Но смысл тот же: удержать.

Торговка смотрела, как будто на чудо и на угрозу одновременно.

Когда Элина перевязала колено чистой тканью, мальчик уже только шмыгал носом.

— Завтра перевязку поменять, — сказала Элина. — Если покраснеет или станет горячим — сразу ко мне. И не бегать по камням.

— Он не бегать? — торговка хмыкнула сквозь облегчение. — Да он без ног бы бегал.

Пауза повисла. Элина поднялась, вытерла руки о край своей юбки.

— Сколько я должна? — спросила торговка вдруг, неожиданно тихо.

Элина моргнула.

— За что?

— За... — торговка махнула рукой. — За это.

Элина качнула головой.

— Ничего. Дайте мне лучше... — она посмотрела на прилавок. — Кусок хлеба. И луковицу. И... если есть, горсть сушёных трав. Я расплачусь, когда открою таверну.

Торговка снова напряглась. На секунду суеверие победило. Но потом мальчик потянул её за рукав и шепнул:

— Мам... она не страшная.

Слова были простые. Но Элина почувствовала, как в груди что-то щёлкнуло. Крошечная победа. Первый человек, который сказал: «не страшная».

Торговка вздохнула, достала хлеб, лук и маленький мешочек с сушёными листьями.

— Это... мята, — буркнула она. — Для желудка. И не думай, что я тебе верю. Просто... — она кивнула на сына. — Долг.

— Спасибо, — сказала Элина.

И тут же — цена. Она почувствовала взгляды со всех сторон. Кто-то видел, кто-то шептал, кто-то уже бежал рассказывать.

«Проклятая лечит. Значит, умеет и вредить», — мелькнуло в голове.

Элина пошла обратно к таверне, неся хлеб, лук и травы как трофеи и как доказательство, что она *может*.

На полпути она увидела его.

Рейнар Кард стоял у обочины тракта, будто ждал именно её. Плащ на плечах был сухим, значит, он пришёл давно. Серые глаза следили спокойно, без вчерашней угрозы — но и без доверия.

Элина остановилась.

— Капитан, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Элина Ротт, — ответил он, и в том, как он произнёс имя, было что-то проверяющее, словно он убеждался: она *назвалась*.

Элина внутренне вздрогнула от воспоминания об обете.

Рейнар посмотрел на её руки — на хлеб и травы.

— Уже ходите по деревне, — сказал он. — Смелая.

— Я не могу сидеть и ждать, — ответила Элина. — У меня неделя.

Он чуть приподнял бровь.

— И как прошла ночь?

Элина поняла, что он спрашивает не из заботы. Он собирал факты. Но в вопросе было и другое — тонкая нить, которая могла стать либо верёвкой на шее, либо опорой.

— Дом пытался закрыть меня, — сказала она честно. — Но я... договорилась.

Рейнар молчал. Потом сделал шаг ближе — опять слишком близко. Элина ощутила, как рядом с ним воздух кажется плотнее.

— Договорились... с домом, — повторил он негромко. — Вы слышите, как это звучит?

— Как выживание, — ответила Элина. — Вы же тоже выживаете на тракте. С мечом. Я — с головой.

В его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение. Или на интерес. Он быстро спрятал это под привычной холодной маской.

— Я пришёл предупредить, — сказал он. — Сегодня по деревне пойдёт слух.

— Уже пошёл, — сухо ответила Элина.

— Нет, — Рейнар качнул головой. — Другой. Что вы... «встали на ноги» и начали лечить. Угадайте, что сделают те, кому выгодно, чтобы этот дом оставался проклятым?

Элина почувствовала, как в животе стянулось.

— Саботаж, — сказала она.

Рейнар чуть кивнул, словно подтвердил: не дура.

— И ещё, — добавил он. — Ростовщик Мортен Грейн не любит сюрпризов. Если вы думаете, что гильдейский сборщик — главная проблема, вы ошибаетесь.

Элина сжала мешочек с травами.

— Он придёт?

— Придёт, — сказал Рейнар. — И принесёт условия. Всегда приносит.

Элина подняла на него взгляд.

— Почему вы мне это говорите?

На мгновение он замолчал. Словно выбирал, что безопаснее — правда или удобная ложь.

— Потому что если вы сгорите под долгами и страхом, — сказал он наконец, — исчезновения на тракте не прекратятся. А мне нужно, чтобы они прекратились.

Холодно. Логично. Но под логикой была тонкая, почти незаметная забота — о порядке, о жизни людей... и, возможно, чуть-чуть о ней.

Элина кивнула, принимая это так же, как принимают лекарство: не потому что вкусно, а потому что необходимо.

— Тогда скажите, капитан, — спросила она, — вы верите, что я виновата?

Рейнар посмотрел на неё долго.

— Я верю в следы, — ответил он. — И в мотивы. Ваши мотивы мне пока не ясны.

— Я хочу жить, — сказала Элина. — И расплатиться. И сделать так, чтобы люди не боялись сюда заходить.

— Красивые слова, — сказал Рейнар. — Посмотрим, что будет, когда станет страшно.

Он развернулся и ушёл, оставив её с этим «посмотрим» в груди, как занозу.

Элина вернулась в таверну.

Теперь она уже не просто убирала. Она *строила*. Маленькую аптеку на кухне, маленькую кухню — как лечение.

Она нашла котелок, развесила травы по мешочкам, подписав их угольком — как могла. Мята. Полынь. Что-то местное — горькое, от которого першило в носу. Она разложила хлеб и лук отдельно, подальше от печи, будто это могло помочь не плесневеть.

Потом остановилась и посмотрела на каменный очаг.

— Нам нужно тепло, — сказала она, как договариваются с больным организмом. — Тепло — это жизнь. Ты хочешь гостей? Тогда дай мне огонь. И я дам тебе порядок. Еду. И... — она вздохнула, — уважение.

Печь молчала.

Элина вытащила из кармана мешочек с красной ниткой, отщипнула крошку травы и бросила в очаг. Чиркнула кремнём.

И на этот раз огонь не умер сразу.

Пламя было маленькое, слабое, но *держалось*. Оно не грело зал, но грело руки, если поднести близко.

Элина засмеялась — коротко, хрипло, от облегчения.

— Вот так, — прошептала она. — Молодец.

Смешно хвалить печь, но в этот момент она почувствовала: дом слушает. Дом реагирует. Дом — не просто проклятие. Дом — система с правилами.

Это было страшно.

И это было шансом.

Она сварила простой отвар — мята и ещё одна трава, которая пахла медом. Добавила чуть соли... и тут же вспомнила «не солги» и «не выгоняй». Соль не при чём, но мысль зацепилась: каждое действие может быть здесь *значением*.

Она оставила отвар без соли. Поставила на стойку, как подношение — себе ли, дому ли.

И как будто в ответ воздух в зале стал чуть менее ледяным.

Маленькая победа — и тут же цена: в дверь постучали.

Не так, как вчера. Не официально. Тяжело. Хищно.

Элина вытерла руки, подошла. Заглянула в окно — и у неё внутри всё провалилось.

У крыльца стоял мужчина в дорогом тёмном сюртуке, слишком хорошем для деревни. Рядом — двое крепких, молчаливых, как шкафы. А позади — телега, накрытая полотном, и из-под полотна едва заметно тянулся пар, будто там лежал кто-то живой.

Мужчина поднял голову, и Элина увидела тонкие губы, аккуратную бородку и глаза, в которых не было ни тепла, ни злости — только расчёт.

Он улыбнулся так, будто уже победил.

— Элина Ротт, — произнёс он, когда она открыла дверь. — Наконец-то. Я — Мортен Грейн. Ваш... доброжелатель.

Элина не ответила. Слова застряли. Ей хотелось захлопнуть дверь, но она знала: дом может снова запереть её внутри. И тогда она окажется в ловушке без выбора.

— Я пришёл за своим, — продолжил ростовщик мягко. — И не делайте такое лицо. Я не чудовище. Я даже предложу вам выход.

— У меня нет денег, — сказала Элина ровно.

— Знаю, — улыбнулся Мортен. — Поэтому деньги меня сегодня интересуют меньше всего.

Он кивнул на телегу.

— Вы примете ночного постояльца. Одного. На одну ночь. Сегодня.

— И после этого, — его голос стал шелковым, опасным, — я заморожу проценты на месяц и выпишу вам новую расписку... более человечную.

Элина почувствовала, как по спине побежал холод — не от дома, от смысла.

— Почему вы не можете разместить его где-то ещё? — спросила она, стараясь держаться.

Мортен посмотрел на вывеску «У Чёрного Очага», затем вернул взгляд на неё.

— Потому что он должен быть именно здесь.

— И потому что вы, дорогая хозяйка, связаны обетом. А обеты, как вы уже заметили, не любят, когда их нарушают.

Элина открыла рот — и не нашла слов. Дом за её спиной будто затаил дыхание.

Мортен сделал шаг ближе и добавил тихо, почти ласково:

— Условие простое. Вы не спрашиваете, кто он. Вы не входите в его комнату после полуночи. Вы кормите его тем, что я скажу... и вы не пытаетесь сбежать.

— Согласны?

И из-под полотна на телеге донёлся слабый, еле слышный стон — как у человека, которому плохо. Как у пациента, которого нельзя оставить.

Элина почувствовала, как внутри сталкиваются две силы: разум аптекаря и страх хозяйки проклятого дома.

И обе шепнули одно и то же:

Если откажешь — будет хуже.

Глава 3. Постоялец, которого нельзя будить

Если откажешь — будет хуже.

Элина удержала взгляд на Мортене Грейне, хотя внутри всё сжималось так, будто ей снова предлагали проглотить таблетку без воды. На крыльце было сыро, холод от тракта лез под подол, а из-под полотна на телеге тянулся слабый пар — и стон, слишком человеческий, чтобы его и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.